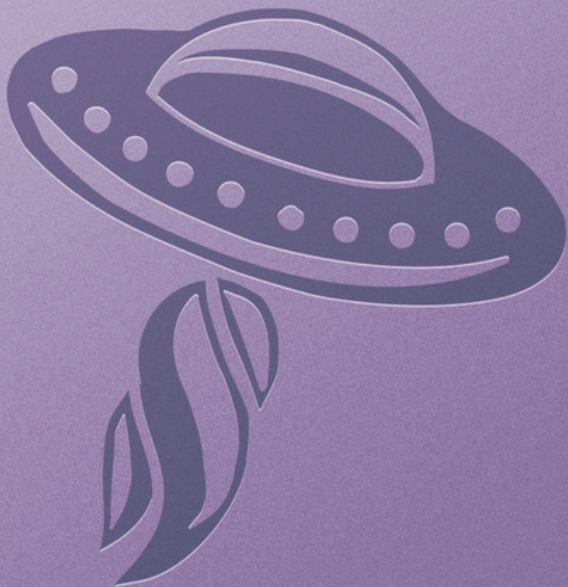

Сергей Герасимов

Машина снов

Сергей Владимирович Герасимов

Машина снов

Авторский вариант

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156387

Содержание

* * *

4

1.

10

Конец ознакомительного фрагмента.

20

Сергей Герасимов

Машина снов

Сны, которые видел Ульшин, всегда были необыкновенны. Чаще всего его сны были цветными, с перехлестом красок, как будто впервые приобретаешь цветной телевизор и на радостях усиливаешь цвет до небывалой яркости. Иногда он видел черно-белые сны, но даже черно-белость была не серой, а вызывающей: вот посмотрите какая я красивая, даже в красках не нуждаюсь! Бывало так, что появлялся сон, раскрашенный одним или двумя цветами, например, коричневым и красным, это тоже было красиво, по-своему. Цвета были первой странностью его снов.

Второй странностью было то, что сны слишком часто сбывались. Не каждый сон, а только сон на определенную тему: всегда сбывались сны об опоздании на работу (он не просыпался от будильничьего звона), о встрече красивой девушки, которая сразу вешается на шею (этот сон всегда сбывался с точностью до наоборот: или девушка оказывалась безобразной, или, если красивая, давала от ворот поворот), о выигравшей в лотерею. Последний сон всегда сбывался в точности, совпадало все, даже внешний вид билетика и его хру-

стящая рвучесть при вскрывании, и даже выигранная сумма. Ульшин всегда ждал, когда сон подскажет огромную, просто баснословную сумму, но сны никогда не показывали больше одного доллара в эквиваленте.

Третья странность была самой загадочной: раз за разом Ульшин попадал в одни и те же сны. Засыпая, он оказывался в той местности, где он проснулся вчера или несколько месяцев назад, и сон продолжался с точки прерывания. Местность, которая снилась, была косвенно связана с местностью реальной, например, мог сниться собственный двор, но двор был не настоящим, а искаженным в кривом зеркале антило-гики.

В детстве Ульшин рассказывал интереснейшие из своих снов друзьям или выигрывал на спор эквивалент одного доллара, за что друзья его уважали, мрачно завидовали и раза два били (оба раза бил друг детства Шакалин, всегда в коричневом костюмчике, неотразимый донжуан и подлиза), рассказывал родителям; родители слушали, слушали и однажды повели его к врачу. Врач ничего не нашел, но Ульшин больше ничего и никогда родителям не рассказывал. Он закончил школу с медалью, проскочил институт, влез в аспирантуру и почти без труда защитился. В тридцать два года он устроился на работу в лабораторию слухового протезирования, в отдел перспективных исследований.

Перспективные исследования – это как раз то, что привлекало Ульшина больше всего. Он мог неделями возиться

над воплощением малюсенькой идейки, поначалу мертвой. К концу недель малюсенькая идейка оживала и начинала шевелить еще более малюсеньким хвостиком. Понятно, что никакой пользы от идейки не было. Как только идейка оживала, она становилась неинтересной и Ульшин снова зыбывал о ней. Но однажды ему приснилась грандиозная идея.

Он проснулся с бьющимся сердцем. В большом окне три снежно-белых небоскреба плыли на волнах зелени и на фоне неподвижных облаков. Комар выжидательно ходил кругами над головой, выбирая между сытостью и жизнью. В углу скреблась несчастная мышь, забравшаяся на пятый этаж и убедившаяся, что у Ульшина есть нечего – с тоски грызла плинтус.

– Эврика! – сказал Ульшин и выскочил из кровати голым. Повторить Архимеда он не мог, потому что лифт не работал, а у подъезда водились бродячие собаки, которые кусали, на всякий случай, все неожиданное. Такие трудности любого Архимеда остановят. Пожалуй, в голом виде можно было бы зайти к Полине. Полина жила одна в однокомнатной, соседка по коридорчику, будет рада. Впрочем, Полина толста и некрасива, а идея требует духовного полета.

Идея виделась Ульшину ясно, во всех технически правильных подробностях, ее оставалось только воплотить. Суть идеи была в том, чтобы попасть в собственный сон. Сон и реальность – две стороны одной монеты, если монету повернуть, то сон станет явью, а явь сном. Необходимая тех-

ника имелась в лаборатории. Идея тянула на докторскую, а возможно и на государственную премию. Попасть можно было в любой, заранее выбранный сон, если этот сон повторяется. Повторяющихся снов Ульшин имел три. Первым был сон о собственном дворе и он был неинтересен: во дворе постоянно лил дождь, взрывались подземные трубы и размывали почву, здесь и там начинались оползни, в домах оказывались огромные многоэтажные подвалы, полузалитые водой, люди проваливались в земле-водное месиво и молили о спасении, сам Ульшин спасался чудом. И так каждый раз. Этот сон был страшен и опасен.

Вторым был сон о юго-западной окраине города. На самом деле в этой географической точке ничего не было, пока, но намечалось большое строительство. Во снах Ульшина туда была проложена трамвайная линия и протянута ветка метро, были построены огромные универмаги, спортивные комплексы (два) и разбиты прекрасные сады. Ульшин приходил или приезжал в те места с Полиной и Полина сразу же тащила его в магазин. Всю ночь, до самого конца сновидения, Полина ходила по тряпочным отделам и покупала, покупала, покупала. Ульшин платил деньги и страдал. Мужчина в магазине чувствует себя как речной рак на берегу: первые десять минут комфортно, потом начинает медленно умирать. Этот сон тоже не годился.

Третий сон был интересен своей загадочностью. Ульшин попадал в довольно темное здание многоугольной формы и

начинал бродить по коридорам. Коридоры были в несколько ярусов и неудобны для ходьбы: во многих коридорах росли пни, прямо из каменного пола. Пол был сложен из больших каменных блоков темно-серого цвета. Коридоры поворачивали, иногда за углами слышались голоса, иногда кто-то стучал в стены, но всегда убегал. Кроме коридоров, были комнаты, а в комнатах черные ямы бесконечной глубины. Некоторые ямы были огорожены бортиками, чтобы неосторожные люди не сваливались туда. В этом сне была тайна, пока еще не разгаданная. Особенно непонятны были пни. Ульшин решил выбрать дом с коридорами.

Воплощение идеи заняло двенадцать дней. Вечером двенадцатого дня Ульшин удобно устроился на диване, накрылся легкой простыней и решил не выключать свет, на всякий случай. Приспособление было вставлено в ухо и включалось нажатием кнопки. Машина снов. Машина снов – это может быть поинтереснее, чем машина времени. Еще минута – и сон станет реальностью. Что будет там? Что бы ни случилось, все закончится хорошо. Ульшин помнил много своих снов, и ни в одном из них он сам не погибал и даже не получал серьезных увечий. А несерьезные сразу же излечивались, на то это и сон.

Перед экспериментом Ульшин прочел "Легенды и мифы Древней Греции в популярном изложении для детей". Особенно внимательно он читал то, что касалось подвигов Геракла и некоторых других настоящих мужчин. Дело в том, что

сам Ульшин был далеко не Гераклом и настоящим мужчиной его назвать можно было только в темноте. Поэтому перевоплотиться в Геракла было бы неплохо, для разнообразия. Так решил Ульшин.

На столе лежал комок пластилина, жирно-блестящий, с прилипшими кусками спичек и мухами. На обоях был приклеен неудавшийся рисунок кисти Ульшина, рисунок изображал динозавра. (Ульшин любил рисовать, но рисовал на два с минусом – неразделенная любовь к искусству) Динозавр имел утолщение на хвосте величиной с его собственную голову, поэтому казался двухголовым, редкая уродина. Рядом с динозавром – фотография Полины. Что особенно замечательно – динозавр и Полина неуловимо похожи, будто списаны с одного оригинала.

Все, пора спать. Ульшин в последний раз посмотрел на банку пива (на подоконнике, хочется выпить, но завтра), на динозавра с Полиной, на комок пластилина и закрыл глаза. Нажал нащупанную под одеялом кнопку. Все закружилось, поплыло, логика и закономерность вывернулись наизнанку, но все равно остались логикой и закономерностью. И Ульшин попал в нужный сон.

1.

Дуэль была назначена на завтра. Соперником Ульшина будет Шакалин, всегда желто-коричневый из-за любви к форменным костюмам и из-за сочной коричневости этого «Ш-К» в фамилии. Сейчас, в свой наверняка последний вечер, Ульшин вспоминал Шакалина правильно-перевирающим внутренним зрением, и видел его только в одном цвете, в коричневом. Шакалин имел плоское, чуть геометрическое лицо (не дотягивающее до квадратности), узкие глаза с желтыми веками, ШироКую, ШоКоладницу улыбку, жил с двумя тугими, налитыми плотью ШКольницами, (сразу с двумя, почему он, а не я, какой неправильный сон!) и хорошо помнился Ульшину по ШКоле – каждое воспоминание как пощечина.

Надо же было так вляпаться с первого же сна.

Лампы дважды мигнули – это означало двадцать три часа. Через час выключат свет. Осталось восемь часов. Дуэль назначена на семь. – На семь назначена дуэль – эль-эль – и нет никаких шансов, – пропела кукушка в часах.

Ульшин взглянул на кукушку и она смущенно спряталась в часы; часы исчезли.

Ульшин подвинул тумбочку, так чтобы она оказалась сзади и справа от лампы, расстелил клеенку, поставил зеркальце и приготовил пластилин. Пластилин был мягким из-за

жары и блестящим в тех местах, где он отклеился от клеенки, жирным на ощупь. К нему прилипли обломки спичек, камешки, несколько мертвых мух.

Скрипнув дверью, молча вошла Полина и молча села на нары.

Только что там стоял диван.

– Куда делся мой диван? – спросил Ульшин.

– Ты же в тюрьме, а в тюрьме нары положены, – логично объяснила Полина.

– Ага, – сразу согласился Ульшин. Против логики не возразишь.

Полина – рыжая, полная как и ее имя, в веснушках по всему телу, даже на спине. Умеет сочувствовать, не понимая. Лучше чем никто.

– Ульшин, – позвала Полина.

– Что?

– Пошли погуляем.

– Скоро выключат свет.

– Мы будем гулять в темноте. Это же твоя последняя ночь. В семь часов тебя убьют. Погуляем-а?

Ты хуже чем никто. И никогда не умела сочувствовать. И веснушек на спине у тебя нет, и я всегда собирался тебя обмануть, только не с кем было – мстительно подумал Ульшин, – сейчас я все это скажу тебе вслух.

– Прости, родная, не могу, – просто сказал он.

Полина помолчала еще немного и вышла. В дверях она

обернулась и блеснула слезой – нет, показалось.

В два часа пришли секунданты. Секундантами в этот раз были Волосатик и Прокруст. Волосатик имел челку до переносицы, поэтому все время задира л голову, пытаясь что-нибудь увидеть. Они освещали путь фонариком и пылили, шаркая ногами. Когда Волосатик задира л голову, его рот открывался буквой "О". Прокруст был свеженький, только что вышедший из популярных мифов Древней Греции.

– А где же пни? – сказал Ульшин. – я помню, что в коридорах росли пни!

Волосатик засмеялся и ничего не сказал.

Секунданты привели его в комнату для дуэлей. Комната была оборудована смотровыми окошками в два яруса под потолком, полным отсутствием мебели или выступающих предметов (что совершенно необходимо для успешной дуэли) и, разумеется, ямой, в которую упадет тело. Ульшин знал, что за смотровыми окошками расположены удобные платформы с поручнями, которые обычно вмещают, смотря по интересности дуэли, от двадцати до пятидесяти человек. Завтрашняя дуэль соберет совсем немногих, потому что не обещает борьбы, а закончится быстро и вполне предсказуемо.

– Эль-эль, и нет никаких шансов, – пропела вредная кукушка и быстро спряталась, еще до того, как Ульшин успел поднять глаза.

– Твое последнее желание? – спросил Прокруст, – если хочешь, могу бесплатно отрезать ноги.

"Обыграть тебя в карты" – почти сказал Ульшин. Он знал, что Прокруст, проиграв в карты, бледнел и свирепел, начал говорить хрипом и бульканьем, как будто в его горле закипала кровь. Ульшин хотел бы взглянуть на это еще раз. Не стоит отказывать душе в последней радости.

– Дайте мне фонарь на остаток ночи, – ответил Ульшин. Волосатик засмеялся, задирая голову.

– Слушай меня, Ульшин, – сказал Прокруст с тяжелой, но ленивой злобой, – бросай ты это, не смейши народ хотя бы сегодня. Отдохни, пригласи Полину, напейся или давай в карты сыграем. Но брось пластилин, я тебе говорю, брось.

– Не брошу, – сказал Ульшин, глядя в пол, – я попросил фонарик.

...Тридцать лет назад, ровно тридцать лет назад, мать впервые привела его в тюремный садик для малолетних. Тридцать лет назад Ульшин был противным истеричным трехлеткой, он отбирал чужие игрушки, ломал их, не любил есть из ложки и отказывался говорить...

– Разве я прожил здесь всю жизнь? – спросил Ульшин.

– Всю, кроме последних семи часов, – серьезно подтвердил Прокруст, – семь часов еще осталось. ...В садике детям давали пластилин, чтобы они играли и не мешали взрослым. Была и воспитательница, белая женщина как облако, она объясняла, что из пластилина можно слепить все что ви-

дишь. Ульшин видел многое, но ярче всего – цветные сны. В снах ему являлись странные существа: некоторые со многими ногами и головой, непохожей на человеческую; некоторые, умеющие летать; некоторые плавать; некоторые были расцвечены всеми возможными красками и множеством невозможных. Были и великаны со многими руками, они качались и не могли ходить, вросшие в землю. Маленький Ульшин пробовал слепить все это, но не мог. Однажды, когда он был уже старше, ему удалось скромно повторить яркое пушистое, быстрое существо из сна – он показал подобие воспитательнице.

– Такого не бывает, – сказала она тогда...

– Странно, – сказал Ульшин сам себе, – я почти не помню своих снов. Как же мне возвращаться?

Оглянувшись, он увидел, что Волосатик с Прокрустом исчезли и что сам он снова сидит в своей камере.

Он положил фонарик на тумбочку и подпер его тапочком – так, чтобы свет падал на лицо, – и приступил к работе. Оставалось еще несколько часов и множество желаний, одно из которых сокровенное – вылепить свой портрет и оставить портрет жить после собственной смерти.

Он быстро слепил болванку, очень похожую по форме на собственную голову и начал священнодействовать. Лицо в зеркале было некрасиво – одновременно свое и чужое: свое, потому что зеркало не может врать, и чужое, не имеющее тех

черт, которые без сомнения были самыми важными в Ульшине. Люди, которые не нравятся себе в зеркале – это люди со слишком большим самомнением, – подумал Ульшин и сразу стер эту мысль, не разглядев до ее конца.

Промучившись около часа, он положил зеркальцо глазами вниз. Работа пошла быстрее, покатила как с горки. В шесть включились лампочки, загорелись в полнакала. Пластилинное лицо уже успело набрать схожесть – не с физическим Ульшиным, а с настоящим – и продолжало набирать.

За спиной возникли Волосатик с Прокрустом и стали неуважительно наблюдать, ожидая половины седьмого. Не дождавшись, Прокруст протянул руку и взял пластилиновую голову.

– Смотри, – сказал он, обращаясь к Волосатику, – похоже на человека. В детском саду я такие же лепил.

Он сжал толстые пальцы с выпирающими костяшками и черыми волосками на каждом суставчике. Мягкий пластилин протек сквозь пальцы, теряя совершенство формы и душу, которая уже готова была воплотиться, но не воплотилась.

– Ты поплачь, – сказал он Ульшину, – а то потом времени не будет.

Они взяли его под мышки и повели по коридору. В коридоре стояла Полина и вязала рукавичку.

– Я решил умереть достойно! – крикнул ей Ульшин, – я не позволю им наслаждаться моими муками!

Выкрикнув так, он заплакал.

– Я с тобой не разговариваю, – ответила Полина, – ты меня обижаешь.

У комнаты для дуэлей стояла жидкая очередь, покупавшая недорогие билеты. Два немых мальчика показывали друг другу неприличные жесты, переговариваясь. Полногубая старушка ласкала шею молодого возлюбленного. Лысый мужичок сидел верхом на чемодане. Билетное окошечко желтело ярким полукругом. У двери камеры номер 305 шел местный снег.

Ульшин плюнул на пол. Физиономия выглянула в окошко, скрылась, появилась с неожиданной стороны, держа тряпку. Ульшина попросили вытереть за собой и он вытер.

Коричневый Шакалин уже был на месте. Раздетый до пояса, он показывал себя первым лицам в смотровых окошках. К первым понемногу прибавлялись вторые, третьи и четвертые. Похоже, дуэль все-таки соберет зрителя. Шакалин при-мал масло из рук нарядного пажа, при этом напрягая мышцы, всякий раз по-разному, чтобы произвести эффект. Маслом он обильно натирался, чтобы стать скользким. На его ногах были облегающие кальсоны, за которые почти невозможно ухватиться. Он знал толк в дуэлях, успел победить уже в восьми. Сегодняшняя была просто очередной приятностью в его жизни. Две ШКольницы приклеились плоскими носами к стеклам.

По обычаю они пожали друг другу руки перед тем, как разойтись по углам. Ульшин тоже разделся до пояса и сейчас стеснялся своей наготы, нездорового тела тонкой кости, мешковатых нижних панталон. Публика загудела, выражая свои симпатии. Секунданты вышли и заперли за собою дверь. Шакалин не начинал, ожидая, пока Волосатик с Прокрустом займут места на галерее.

Стены в комнате для дуэлей были гладкими изначально, а за годы отполировались бесчисленными спинами до темно-каменного блеска. Противники начали медленно передвигаться по периметру. Пол, горизонтальный у стен, уже через шаг набирал уклон и скользко проваливался к центру комнаты, плавно переходя в черную яму – трубу метра полтора в диаметре. Труба с легким наклоном уходила вниз, на бесконечную глубину, (глубину пробовали проверять веревкой с грузиком, но веревок всегда нехватало). Одно из тел, еще живое, упадет туда через несколько минут, закричав напоследок. Рано или поздно оно разобьется о дно – все, что падает с большой высоты, разбивается – и костей на невидимом дне станет немножко больше. (Иногда в яму сбрасывали крупных черных собак с гладкой шерстью, каждую на маленьком черном парашуте похожем на зонтик – для гарантии, чтобы тела быстрее превращались в кости)

Шакалин сделал быстрый выпад и публика зааплодировала.

– Нет, еще не сейчас, – сказал он.

Ульшин отступил.

– Смотри, не сорвись раньше времени, – продолжил Шакалин, – дай моим девочкам насмотреться.

– Все равно мы сейчас во сне, – сказал Ульшин, – можешь убить меня, я не боюсь. Я все равно проснусь в своей постели.

– Интересно, как ты туда попадешь, – сказал Шакалин, – где же твое приспособление, которое вставляется в ухо и включается кнопкой?

– Я забыл его там, – похолодел Ульшин.

– То-то же!

Спина обильно вспотела и прилипала к стене. В каменном мешке голоса звучали громко, смешиваясь с собственным эхом. Шакалин сделал еще один выпад и шлепнул Ульшина по щеке:

– Не дрожи так, моя цыпочка.

– Прощай, – сказал Ульшин, сделал шаг к центру комнаты и поскользнулся.

– Эй, постой!

Шакалин схватил его за руку, удерживая, но Ульшин уже заскользил вниз. Он увидел черную бездну: там ничего, ничего, ничего. Почему же мы так боимся умереть, если там ничего? Если там только чернота?

Он дернул руку и чужое тело с неожиданно громким визгом нырнуло мимо; он начал съезжать, позорно напуганный.

Завис, стуча зубами. Закрытые глаза видели кровавый туман, яркий и полупрозрачный. Ладони припали к гладкому камню. Снизу поднимался легкий сквозняк. Шакалинский визг становился тише и тише. Замер, оставшись только в памяти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.